

Чжуймин отправлялся в путь, неся в душе робкую надежду Уцина, однако ему было суждено принести тому лишь самые скверные вести.

Уцин никак не мог избежать последствий вчерашней дерзости, когда он посмел направить скрытое оружие на Его Величество. И муки эти были отнюдь не телесными, а душевными. Прошлой ночью метать тайное оружие было сплошным удовольствием, но теперь расплата в женском платье сулила ему сущий ад.

Проводив Ли Сюньхуаня и Чжуймина, Чжао Цзи — которому волей-неволей приходилось изображать рвение к государственной службе — подобрал полы халата и уныло поплелся в императорский кабинет, чтобы приступить к своим повседневным обязанностям.

После нескольких кругов чисток и сложнейших государственных экзаменов, напоминавших сущий ад, при дворе наконец установилось хрупкое равновесие между реформаторами и консерваторами. Позавчера Чжан Дунь невесть с чего сговорился с Цзэн Бу и тайно испросил аудиенции у вдовствующей императрицы Сян, умоляя Ее Величество вновь взять бразды правления в свои руки.

Чжао Цзи узнал об этом задним числом. Сперва он решил, что Чжан Дунь опять пустил в ход излюбленный прием от обратного, дабы расшевелить старую правительницу. Мол, задетая за живое, вдовствующая императрица Сян — пусть даже ей до смерти надоела политика — стиснет зубы и протянет у кормила власти еще немного. Однако Чжао Цзи и подумать не мог, что она действительно ответит согласием.

Сяо Тунцзи, уже считавший себя верным наперсником Чжао Цзи, со вздохом произнес:

— Лекари поговаривают, что здоровье вдовствующей императрицы Сян в последнее время совсем пошатнулось.

Старость неизбежно приносит с собой хвори. В наши дни женщина ее лет разве что сомневалась бы, не пора ли ей досрочно выйти на пенсию, но в эту суровую эпоху с ее неразвитой медициной вдовствующая императрица Сян была уже дряхлой старухой.

Чжао Цзи сочувственно вздохнул:

— Сделай распоряжение, чтобы слуги пуще прежнего заботились о Ее Величестве. И пусть придворные лекари отныне навещают ее и проверяют пульс каждое утро без исключения.

Вопреки его ожиданиям, никакой «кроватьной бани» или «безжалостной борьбы за трон» не случилось. Вдовствующая императрица Сян, за спиной которой стоял могущественный клан, вовсе не собиралась зубами цепляться за бразды правления. Напротив, она спокойно, шаг за шагом отдалялась от дел государственной важности, освобождая место для Чжао Цзи.

Самоустранение вдовствующей императрицы развязало Чжао Цзи руки, но платить за свободу пришлось непомерно возросшим объемом работы. Наспех проглотив несколько ложек обеденной похлебки, он уселся за стол и погрузился в чтение бесконечных докладов.

Посреди работы полуденный свет внезапно померк. Чжао Цзи сразу почувствовал неладное: это не было похоже на обычную хмарь, когда тучи просто затягивают небосвод, приглушая солнечные лучи. Сейчас высь на глазах, буквально за четверть часа, налилась густой, непроглядной чернотой. На город напал мрак, душный и зловещий, предвещающий бурю.

Нахмурившись, Чжао Цзи отложил кисть, поднялся из-за массивного стола и подошел к окну. Стоило распахнуть створки, как до него донеслись испуганные крики слуг:

— Затмение небесного пса! Солнце исходит тьмой!

Светила почти не было видно — его заслонила черная тень, оставив лишь крохотный, тускло светящийся серп, напоминающий молодой месяц. Но и тот угасал на глазах. Тьма опустилась на землю в один миг.

Великое затмение третьего года Юаньфу обрушилось на столицу без малейшего предупреждения. Взглянув во двор, Чжао Цзи увидел, как придворные служанки и евнухи падают на колени прямо в дорожную пыль, содрогаясь от ужаса перед гневом небес. Он обернулся: в самом кабинете слуги тоже без сил опустились на пол, простирая руки к чернеющему небу.

Лишь Сяо Тунцзи все еще стоял на ногах. Он весь сжался, дрожа как осиновый лист, но упорно не желал опустаться на колени.

Чжао Цзи удивленно приподнял бровь:

— А ты почему стоишь? Разве тебе не страшно?

Евнух едва не умирал от ужаса. Голос его сорвался на едва различимый шепот:

— Страшно, Ваше Величество... до смерти страшно.

Вид Небесного пса, пожирающего солнце, внушал суеверный трепет — еще несколько мгновений, и весь Кайфэн погрузится во вечную тьму. Но Сяо Тунцзи понимал: его долг — оберегать государя, а значит, падать ниц и поддаваться панике он не имеет права.

Чжао Цзи вернулся к столу и, проходя мимо верного слуга, ободряюще похлопал его по плечу:

— Боишься — найди лавку да сядь поудобнее, чтобы не упасть.

С этими словами император решительно распахнул тяжелые створки парадных дверей и зычно крикнул страже и челяди:

— Слушайте волю Нашу! Немедля зажечь фонари! Мы пребудем здесь. С Нами под защитой весь Кайфэн, и даже если сумасшедший пес пожрет солнце без остатка, Наша воля заставит его изрыгнуть светило обратно в целости и сохранности!

Объятые паникой люди всегда инстинктивно тянутся к тем, чей голос звучит твердо и властно. Чжао Цзи вложил в свой призыв немалую толику внутренней силы, и его зычный голос эхом прокатился над растерянными слугами. Сотни придворных разом подняли головы. Вглядываясь в преддверие дворцовой залы, они увидели молодого государя: он стоял на пороге, заложив руки за спину, и с абсолютным, величественным бесстрашием взирал на угасающий небосвод.

Слова государя мгновенно вдохнули храбрость в перепуганные души. Сяо Тунцзи со всех ног бросился в глубь покоев и принялся спешно разжигать свечи. Дворцовые слуги, только что без сил валявшиеся на земле, один за другим поднимались на ноги и устремлялись к масляным лампам. Движения их оставались быстрыми, суетливыми, но в них больше не было слепого животного ужаса.

Лишь сам Чжао Цзи, блестяще отыграв роль непоколебимого владыки, укрылся в тени кабинета и тяжело, обреченно вздохнул.

«Ну и вляпался...»

Прежний император едва успел отойти в мир иной, престол занял новый правитель, и тут нате вам — проклятое затмение! Учитывая дремучее суеверие местных жителей, к завтрашнему утру слухи о его нечестивости раздуются до масштабов вселенской катастрофы. К тому же Чжао Цзи в последнее время знатно потрепал нервы здешним начетчикам и книжникам. Завтра эти напыщенные интриганы из Министерства ритуалов непременно используют гнев небес как идеальный повод, чтобы прочитать ему нотацию и поставить на место. И теперь любая его оплошность в глазах двора будет прямым следствием того, что он — бестолковый тиран, навлекший на страну проклятие.

Для человека двадцать первого века затмение — обычное астрономическое явление, но здешний люд мыслил совсем иными категориями. А уж с их богатой фантазией... Спокойные деньки определенно закончились. Убедившись, что челядь носится по дворцу с подсвечниками и на него никто не смотрит, Чжао Цзи украдкой закатил глаза, глядя на несчастное солнце, сжавшееся до размеров тонкой нити. Затем он уныло поплелся к столу, обмакнул кисть в тушь и принялся за черновик покаянного манифеста. Без этой формальности завтра было не обойтись.

Пока в передних залах царила суматоха, обитательниц Внутреннего двора тоже сковал неизъяснимый страх. В тенистом уголке парка, неподалеку от изящного терема наложницы Го, замер юный евнух Сяо Цзю. Его спина была прямой как стрела. Равнодушно поглядывая на бьющихся во лбах слуг, он негромко произнес:

— «Затмение небесного пса, Пурпурная звезда колеблется. Пошатнется законный престол, и боковой удар принесет гибель». Запомнила?

Стоявшая позади него девушка, облаченная в простое платье служанки, на миг задумалась и тихо, вкрадчиво рассмеялась:

— Ваша слуга все поняла. Как только представится случай, эти слова слово в слово услышит императрица Ван.

Сяо Цзю холодно кивнул:

— Ни одного знака не перепутай.

— Будет исполнено, Девятый господин.

— Дорога для вас там уже расчищена, — удовлетворенно проговорил Девятый господин. — В последнее время императорская гвардия Юйлинь наводнила дворец, ее хватка крепчает с каждым днем. Всех наших людей отсюда пришлось убрать. Вам двоим следует соблюдать предельную осторожность. Никаких следов, никаких подозрений. Боевые искусства при посторонних не применять. Обходите посты Юйлинь десятой дорогой и, ради всего святого, не попадайтесь на глаза нашему дражайшему императору.

Девушка растерянно моргнула:

— Нашему императору?

Сяо Цзю медленно прищурился, и его взгляд сделался колючим:

— Наш венценосный повелитель совсем не так прост, как трезвонят на каждом углу. Он не просто владеет ушу — его внутренняя сила глубже колодца. Окажись он в цзянху, легко сошел бы за мастера первого порядка. Не позволяй его маске провести тебя. Рядом с ним следи за каждым вздохом и шагом.

Служанка поспешно склонила голову:

— Ваша слуга запечатлеет это в своем сердце.

Вскоре непроглядный мрак окончательно поглотил Кайфэн. К счастью, знамение оказалось недолгим: не успела бы остыть и пиала чая, как тьма начала рассеиваться, уступая место дневному свету.

Выведя аккуратным почерком заглавие покаянного манифеста, Чжао Цзи откинулся на спинку кресла. Внешне он являл собой образец монаршего хладнокровия, однако на душе у него скребли черные кошки.

«И что мне завтра делать на утреннем приеме?..»

Свора престарелых чиновников костями ляжет, но замучает его причитаниями о гнев небес. Тут никакой манифест не спасет. Нужен был надежный, железобетонный способ заткнуть этим пустозвонам рты раз и навсегда.

Примерно через час после того, как солнце окончательно очистилось от тени, Чжуймин во второй раз за этот день явился во дворец. И вести, которые он принес, были одна хуже другой.

Оказалось, что больше половины пленников из тех трех шаек, которых они прошлой ночью выследили и скрутили общими силами гвардии Юйлинь и Банды нищих, ухитрились сбежать.

У Чжао Цзи от этого известия голова пошла кругом.

— Вы там что, даром казенный хлеб едите?! — вскипел он от ярости. — Связанных людей пустили! Как они умудрились сбежать?! А глава Сян Ланчоу? С ним все в порядке?

Чжуймин виновато опустил голову:

— Сян Ланчоу содержался под отдельной стражей, с ним все в порядке. Беда стряслась с остальными. После вчерашней облавы их временно заперли в лагере гвардейцев. Условия там, сами понимаете, не чета тюремным. Когда солнце померкло и наступила крошечная тьма, двое опасных мастеров уловили момент, раскидали охрану и скрылись крышами, не ввязываясь в затяжной бой. Мы бросились в погоню, но тут на лагерь налетела банда сообщников. Завязалась свалка, и в суматохе еще несколько мерзавцев сумели вырваться на волю. Вся вина за эту оплошность лежит на мне, Ваше Величество. Прошу судить меня по всей строгости.

Чжао Цзи едва не задышался от гнева.

— Да я бы и без твоих просьб с вас шкуру спустил! Все до единого — слышишь, каждый, кто был там минувшей ночью, — марш в управу Кайфэна получать розги! А после этого — лишение жалованья на полгода!

Первым порывом императора было с треском вышвырнуть нерадивых служак со службы. Однако в самый последний момент он прикусил язык: лишись он этих людей сейчас, и распутывать загадочное дело Цуй Мина станет попросту некому. Сдерживая досаду, Чжао Цзи мысленно похоронил грозное слово «разжаловать» и ограничился банальной поркой.

Немного успокоившись, он спросил:

— Удалось выбить хоть какие-то признания из тех, кто остался в клетках?

— Все они — младшие ученики школы горы Белого Верблюда. Признались, что выполняли волю девы Линь Сяньэр из павильона Десяти Тысяч Цветов. Их целью было устранить главу банды Денежного Листа Сян Ланчоу, чтобы тот не сболтнул лишнего.

Новость о горе Белого Верблюда ровным счетом ничего не проясняла, ценным тут было разве что имя Линь Сяньэр.

— И это все?

Чжуймин помедлил, а затем добавил:

— Один из выживших наемников опознал защитника, который в решающий момент заслонил собой Сян Ланчоу. Этот таинственный боец состоит на службе у Оуян Фэна, второго молодого господина горы Белого Верблюда.

Это известие застало Чжао Цзи врасплох.

— Постой. Те двое, что раскидали нападавших, служат Оуян Фэну?

Какая нелепица. Коварная Линь Сяньэр натравливает на Сян Ланчоу бойцов с горы Белого Верблюда, чтобы заставить его замолчать навеки, а сам Оуян Фэн отправляет доверенных слуг спасать обреченного бедолагу? Логика происходящего окончательно ускользала от императора, затягивая его в еще более глубокий и туманный омут интриг цзянху.

Впрочем, по сравнению с побегом наемников, вторая новость расстроила его куда меньше. Чжуймин лишь подтвердил худшие опасения: костоправы и стряпчие из Министерства наказаний, осматривавшие тело Цуй Мина, не смогли прийти к единому мнению о времени смерти и лишь беспомощно разводили руками.

Чжао Цзи и сам не питал иллюзий насчет талантов столичных дознавателей, так что новость принял спокойно. Велев Чжуймину беречь уцелевшего Сян Ланчоу как зеницу ока и попытаться вытянуть из него хоть какие-то подробности, он отпустил сыщика восвояси.

Наконец за окнами сгустились настоящие сумерки, и во всех покоях затеплились масляные светильники. Чжао Цзи с удовольствием потянулся, разминая затекшие члены — на сегодня с государственными делами было покончено. Спрятав за пазуху драгоценный трактат «Сокровищница Ляньхуа», он направился к себе, предвкушая, как проведет ночь за увлекательным чтением.

Однако по дороге в спальню покои ему преградила наложница Го.

— Ваше Величество, — заговорила она, состроив скорбную мину. — Сегодняшнее знамение... весь дворец теперь пребывает в смятении. Вчера мой брат прислал во дворец двух благочестивых дев-даосок, дабы те молились о моем здравии. Узнав о затмении, наставницы высказали пожелание воздвигнуть священный алтарь и сотворить молитву о благополучии всех обитательниц Внутреннего двора.

Чжао Цзи скосил глаза на спутниц Го Чуньлань. Обе даоски оказались совсем молодыми девицами со скромными, ничем не примечательными лицами, однако просторные даосские одеяния придавали их облику некую неземную одухотворенность. Размыслив о сегодняшней суматохе, император не стал утруждать себя мыслями о гаремном этикете и равнодушно махнул рукой:

— Что ж, дело доброе. Мы позволяем.

Легкомысленно дав согласие, Чжао Цзи скрылся в своих покоях и с головой ушел в изучение капризов «Сокровищницы Ляньхуа», даже не подозревая, какую бурю вызвал его мимолетный жест. Этой ночью половина обитательниц гарема лишилась сна. Устроить молебен во Внутреннем дворе — дело государственной важности, исстари бывшее исключительным правом законной супруги императора. Тот факт, что государь столь небрежно перепоручил ритуал наложнице Го, прозвучал для обитательниц Внутреннего двора как гром среди ясного неба.

Наш венценосный повелитель уже давно не баловал своим вниманием покои красавиц. Исключением оставалась лишь наложница Го, чье лоно уже отяжелело от плода. Человеческая природа такова, что зависть рождается не от скудости, а от чужого изобилия. В прежние годы, когда безумный повеса Ван Дуань порхал от одной фаворитки к другой, меняя привязанности со скоростью ветра, наложницы утешали себя тем, что фаворит недолговечен. Глядя на очередную любимицу, они лишь ядовито шептались по углам: «Посмотрим, запоешь ли ты так же весело через месяц» да «Твое сегодняшнее величие — это мое вчерашнее забытье».

Но теперь все изменилось. Государь почти перестал переступать порог женской половины дворца, а те редкие ночи, что он все же проводил там, безраздельно принадлежали наложнице Го. И чем это пахло? Неужто безраздельной властью одной фаворитки? Неужели это была настоящая, глубокая привязанность?

Глубокой ночью талантливая наложница Чэнь со скромным и кротким видом сидела у ложа императрицы Ван. Личная служанка государыни, поднося чай, с тревогой покосилась на округлившийся живот хозяйки, который был куда больше, чем у наложницы Го.

— Матушка, — со вздохом промолвила служанка, — вы ведь прекрасно знаете нрав Его Величества. К чему таить от него дитя?

Наложница Чэнь поспешила поддакнуть:

— И то правда, Ваше Величество. Пусть император потакает капризам этой выскочки, но вы —

законная хозяйка Внутреннего двора, а теперь еще и носите под сердцем наследника. Каким бы спесивым ни был нрав наложницы Го, ей вовек не перешагнуть через вашу голову.

Императрица Ван до крови прикусила губу, ее тонкие пальцы судорожно сжали шелк одеяла:

— Я страшусь лишь одного — злых помыслов этой змеи Го Чуньлань! Едва по дворцу пополз слух, будто государь пообещал возвысить ее, как только она разродится, моя служанка Юй-эр обнаружила в цветочном горшке в моих покоях порошок, наводящий бесплодие. Хвала богам, мы вовремя спохватились, и дитя уцелело.

Наложница Чэнь испуганно прижала ладонь к губам:

— О небеса! Неужели во дворце творятся такие бесчинства? Ваше Величество, вам удалось разузнать, чьих это рук дело?

Императрица Ван устало прикрыла глаза:

— Мои люди вывели, что к злосчастному цветку прикасались только слуги из терема наложницы Го. Видно, эта тварь решила лишить меня надежды на потомство, дабы самой вознестись к небесам на крыльях материнства.

Наложница Чэнь затрепетала:

— Ваше Величество, но почему вы молчите? Расскажите обо всем государю! Он непременно повелит во всем разобраться и покарает злодеев. Нет, я сама сейчас же пойду к нему!

Императрица Ван поймала наложницу Чэнь за руку, усаживая обратно, и ее губы искривились в горькой, безрадостной усмешке:

— Не глупи. С тех пор как государь взошел на трон, он переступал порог моих покоев от силы дважды! Даже если ты бросишься к нему, он и слушать не станет. Лишь навлечешь на себя его гнев. Я буду молчать, пока дитя во мне не окрепнет, а там видно будет. — Она тяжело вздохнула и ласково сжала пальцы собеседницы: — Сестрица, в этом проклятом месте ты единственная, кому я могу доверять.

Талантливая наложница Лю успокаивающе похлопала государыню по руке:

— Будьте покойны, Ваше Величество, я не дам вас в обиду. Как-никак, за моей спиной стоит поместье князя Тайпина. Какую бы спесь ни напускала на себя Го Чуньлань, она не осмелится перебежать дорогу нашему клану. И все же мне трудно поверить, что Его Величество может быть столь безжалостен.

Прежняя своенравная дева Ван, которая еще в поместье князя Дуаня без колебаний могла собственноручно отхлестать по щекам Го Чуньлань, за эти короткие месяцы лишилась былой спеси. Душа ее выгорела дотла.

— Стоило наложнице Го заявить, будто знамение сулит беду, как государь в обход меня дозволил девам-даоскам устроить алтарь прямо в ее саду, — с горькой усмешкой процедила императрица. — Говоришь, он безжалостен? Ах, если бы! Я страшусь иного: его сердце полно нежности, но вся она до последней капли безраздельно принадлежит этой ядовитой гадюке.

Наложница Чэнь боязливо огляделась по сторонам и склонилась к самому уху государыни:

— Ваше Величество, мне не пристало разносить подобные слухи, но сейчас я просто не могу молчать.

Императрица Ван выжидающе посмотрела на нее:

— Говори, я слушаю.

— Сегодня в сумерках я заметила, как слуга из терема наложницы Го тайком сжигал какие-то бумаги в саду, — прошептала Чэнь. — Я притаилась, а когда он ушел, проверила жаровню. Среди пепла мне удалось спасти недогоревший обрывок с предсказанием!

— И что там было написано? — быстро спросила императрица Ван.

Наложница Чэнь нервно сглотнула слюну и, понизив голос до едва различимого шепота, выдала:

— «Затмение небесного пса, Пурпурная звезда колеблется. Пошатнется законный престол, и боковой удар принесет гибель».

Императрица Ван резко вскочила, едва не опрокинув стоявшую подле ложа фарфоровую вазу. Голова ее пошла кругом, она покачнулась и, ухватившись обеими руками за плечи наложницы Чэнь, мертвой хваткой вцепилась в нее:

— Пошатнется законный престол?! Значит... значит, эта тварь действительно вознамерилась извести меня?!

Чэнь тихонько охнула от боли — пальцы императрицы впились ей в плоть. Государыня опомнилась, разжала руки и без сил опустилась обратно на подушки. Лицо ее сделалось белым как полотно.

— Изверг... Какая же она змея!

— Успокойтесь, Ваше Величество, прошу вас, — взмолилась наложница Чэнь. — Самое главное сейчас — уберечь дитя. Как только вы явите на свет здорового наследника, все козни этой змеи обратятся в прах. Каким бы благоволением императора она ни пользовалась, из-за худородства ей никогда не подняться выше ранга благородной наложницы. Да и род ее куда бледнее, нежели у наложницы Гао. Вам не о чем сокрушаться.

Императрица Ван судорожно прижала ладони к своему животу, и в ее глазах вспыхнул фанатичный блеск:

— Да... во мне зреет наследник престола. Он станет истинным владыкой Великой Сун! А я погляжу, сколь долго еще будет торжествовать эта паршивка!

Разумеется, Чжао Цзи даже отдаленно не догадывался о тех шекспировских страстях и коварных кознях, что зрели за плотными ширмами его гарема. И дело было вовсе не в предвзятом отношении к законной супруге — он в принципе за версту обходил спальни своих бесчисленных жен. Будучи по своей природе, скажем так, «парнем из другой лиги», он с радостью согласился бы стать для этих прелестниц лучшей подружкой, посплетничать о нарядах или обсудить дворцовые дела. Но терпеть бесконечные заигрывания, томные вздохи и удушающие объятия полуобнаженных красавиц, то и дело норовивших скользнуть к нему под одеяло, было выше его сил.

Его частые визиты к Го Чуньлань объяснялись прозаически: ее терем стоял у самой ограды, и император банально привык использовать этот тихий дворик в качестве потайного лаза для своих регулярных побегов в город. К тому же общество этой женщины его ничуть не тяготило. Обладая завидной проницательностью, Го Чуньлань мгновенно улавливала малейшие перемены в настроении собеседника и умело подстраивалась под них. Стоило ей пару раз наткнуться на вежливое, но твердое неприятие своих ласк, как она тут же сменила личину страстной тигрицы на образ благопристойной, утонченной девы, увлеченной лишь каллиграфией и стихами.

Чжао Цзи оценил такую деликатность и не стал менять привычный маршрут для вылазок в город. Ему и в голову не могло прийти, что эта невинная привычка в глазах дворцовой челяди превратится в неоспоримое свидетельство безумной страсти и породит столь чудовищную путаницу. Что же касается законной супруги, тут Чжао Цзи руководствовался исключительно инстинктом самосохранения: он панически боялся, что близкая родственница прежнего Ван Дуаня мигом раскусит в нем фальшивку. Он бегал от нее как черт от ладана, не подозревая, что это трусливое бегство в итоге выйдет ему боком.

Счастливый в своем неведении, Чжао Цзи полночи увлеченно листал страницы «Сокровищницы Ляньхуа», после чего немного поупражнялся в боевых искусствах и уселся медитировать, разгоняя по меридианам теплую волну внутренней силы ци. Когда на востоке забрезжил рассвет, первая же здравая мысль, пришедшая ему в голову, касалась поисков подходящего даосского наставника.

Пора было завязывать с этими утомительными визитами во Внутренний двор. Зачем усложнять себе жизнь, если можно разыграть классическую карту безумного императора-алхимика?

Стоит пригласить во дворец какого-нибудь видного даоса, объявить во всеуслышание о своем уходе от мирской суеты ради поисков эликсира бессмертия — и вуаля! Он получит священное, неоспоримое право больше никогда не переступать порог женских спален под предлогом соблюдения строжайшего поста и сохранения чистоты духа.

А когда он достаточно «очистит дух» среди паров ртути и киновари, можно будет окончательно укрепить образ великого праведника и потихоньку распустить весь этот девичий цветник. Тех бедняжек, что не пожелают губить молодость в золотой клетке, он без лишнего шума выставит за ворота, снабдив щедрым приданым и новыми именами, дабы они могли благополучно выйти замуж и прожить долгую, счастливую жизнь вдали от дворцовых интриг.

<http://bllate.org/book/18987/1978989>